

Міністерство освіти і науки, молоді та спорту України
ДВНЗ «Криворізький національний університет»
Криворізький педагогічний інститут
Факультет іноземних мов

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ФІЛОЛОГІЇ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВ

Збірник наукових праць

Випуск 9

Кривий Ріг
2012

навчалася у Единбурзі. У червні 1746 року, коли Красунчик Принц Чарльз ховався від англійської влади після провального повстання, Флора допомогла йому втекти з Шотландії, за що була ув'язнена на рік.

Н. А. Дудников

канд. філол. наук, доцент,

А. Федоренко

студентка

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЗЛА В МИФЕ О МЕДУЗЕ

У статті на прикладі багатобічного образу Медузи Горгони розглядається вплив міфів на формування сюжетів у художній літературі (Ф. Петрарка, Й. Гете, П. Шеллі, Ш. Бодлер, Е. Карбальдо та ін.). Фактичний матеріал аналізується в філософському контексті – в співвідношенні понять Добра і Зла.

Ключові слова: міф, Медуза Горгона, Добро, Зло, інтерпретація.

В статті на прикладі многогранного образу Медузи Горгони розглядається вплив міфів на формування сюжетів в художественной літературі (Ф. Петрарка, Й. Гете, П. Шеллі, Ш. Бодлер, Э. Карбальдо и др.). Фактический материал анализируется в философском контексте – в соотношении понятий Добра и Зла.

Ключевые слова: миф, Медуза Горгона, Добро, Зло, интерпретация.

The article examines the impact of myths on the creation of fiction plots, herewith our focus is multi-faceted figure of the Gorgon Medusa. The material is presented in a philosophical context, because, such notions as Good and Evil constitute the corner-stone of the article. At the same time, we took up the works of poets, writers and playwrights such as: F. Petrarch, J. Goethe, P. Shelley, Ch. Baudelaire, E. Karbalido et al.

Key words: myth, the Gorgon Medusa, Good, Evil, the interpretation.

Мифи затрагивали вечные темы, которые всегда волновали людей. В литературе – миф это сказание, передающее представления людей о мире, месте человека в нем, о происхождении всего сущего, о Богах и героях. Как утверждал А. Лосев: «Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» [3, с. 252].

Мифы можно считать Библией язычников, заключающих в себе мудрость прошлого, и хотя сознание человека претерпевало изменения в плане совершенствования, отдельные темы до сих пор остались для человеческого разума загадкой. Среди них – вечная и многогранная тема Добра и Зла, будоражащая умы людей.

Противопоставление Добра и Зла играет важную роль в дуалистических мифах, где каждый из персонажей и символов относится либо к положительному ряду как носитель добра, либо к отрицательному ряду как воплощение злого начала. Однако значительно чаще Добро и Зло, хотя и выделяются как основные смысловые понятия, прямых названий внутри мифологической системы не имеют; в частности, для обозначения зла употребляется символ «левой стороны», обычно соотносимой со злом.

Сложности в определении понятий добра и зла коренятся в их особенностях. Первая из них – всеобщий, универсальный характер добра и

зла. В то же время рассматриваемые категории отличаются конкретностью и непосредственностью. Они – понятия исторические, зависящие от реальных общественных отношений. Третья важнейшая особенность добра и зла – это их субъективность, они не принадлежат объективному миру, а относятся к деятельности человеческого сознания. Добро и Зло – понятия не только ценностные, но и оценочные, с их помощью человечество оценивает явления, события, моральные качества, поступки. Но как всякие оценочные понятия они несут в себе элемент человеческой субъективности, личной пристрастности, эмоциональности. Субъективность, таким образом, предполагает отсутствие абсолютного добра и зла в реальном мире (они возможны лишь в абстракции или в мире потустороннем). Итак, из субъективности проистекает четвертая особенность анализируемых категорий – их относительность, также проявляющаяся в ряде моментов. И добро, и зло – категории обратимые. То, что было злом в процессе развития, может превратиться в добро и наоборот.

Рассмотренные проявления относительности добра и зла определяют и подтверждают их пятую особенность: единство и неразрывную связь друг с другом. Они бессмысленны по отдельности, не могут существовать самостоятельно. Ф. Ницше подчеркивал: «... зло нужно так же, как и добро, даже больше, чем добро: и то, и другое является необходимым условием человеческого существования и развития» [6, с. 76]. Единство добра и зла – это единство противоположностей. А это означает, что они не только взаимополагают, но и взаимоисключают друг друга. И это взаимоисключение обуславливает постоянную борьбу добра и зла, которая выступает еще одной – шестой их отличительной особенностью. Итак, опытно переживаемый нами мир выглядит двойственным в нашей оценке его устроения.

Откуда происходит эта двойственность? Если рассматривать мировые источники добра и зла с позиции дуализма, то можно утверждать, что они различны. Важно понимать, что дуализм подразумевает самодостаточность по крайней мере одной из сторон (той, что связана с добром), т.е. принципиальную возможность и желательность её бытия при отсутствии другой стороны.

В мифологии как нельзя лучше отражается двойственная природа зла. Наиболее ярко эта двойственность отражена в мифе о Медузе Горгоне.

Медуза Горгона – образ, берущий начало в мифах и получивший развитие в европейской литературе. Прекрасная или ужасная женщина со змеями или гидрами вместо волос вдохновляла Гомера, Гесиода, Пиндара, Эврипида, Овидия и вместе с тем Ш. Бодлера, Данте, Э. Карбаллидо, Ф. Петрарку, Э. По, П. Шелли.

Образ Медузы нельзя приписывать лишь греческой мифологии, ведь в славянской мифологии была некая змееголовая богиня Табити, напоминающая Горгону. Хорошо известен миф о Персее, победившем Медузу, превращавшую своим взглядом все живое в камень. Однако, еще в глубокой древности существовало понятие «горгонеяна» – маска-талисман,

которая «изображалась на инструментах, оружии, монетах и украшениях» [4, с. 86]. Эти два понятия стали практически неразделимы, о чем свидетельствует сюжет мифа. Увидев однажды прекрасную Медузу, бог моря Посейдон полюбил ее. Насильно овладел он прекрасной девой в храме Афины. Однако непорочная воительница не смогла простить осквернения своего святилища и превратила волосы девушки в змей, а затем навсегда изгнала ее.

У многих греческих авторов Медуза – существо двойственное. Считается, что когда Персей летел с головой Медузы, то капли крови, упавшие на песок, породили змей, а те, что упали в море, взрастили кораллы. Такая разница объяснима тем, что кровь, которая вытекала из жил Медузы, с левой стороны была ядовитой, а с правой – целебной.

По утверждению литературных критиков Медуза – существо двойственное, несущее в себе ростки и добра, и зла. Существует единая трансцендентальная реальность, и действие противоположений производит гармонию. Согласно такой логике ядовитая и целебная кровь, сосуществующие вместе, является доказательством того, что в Медузе есть два начала. Утверждается, что причиной смертоносного ее взгляда являются нечеловеческие муки, которые она испытывала, и поэтому окаменел ее взгляд.

Следует отметить, что Медуза – это мученица и чудовище в одном лице. З. Фрейд утверждал: «... в каждом индивиде сосуществуют две полярные энергии, либидо (стремление к жизни) и мортидо (стремление к смерти) и жизненная динамика обеспечивается только их взаимообусловленностью» [4, с. 147].

Если взглянуть на голову Медузы с той точки обзора, что на ней были не змеи, а гидры, то можно утверждать, что каждая гидра символизировала собой проблему, с которой должен был справиться смельчак. Однако уже в средневековой литературе гидра изображается как символ очищения грехов. Гидра выступает в роли Христа-Спасителя, который спускается в ад и выводит оттуда души грешников.

История Медузы Горгоны не ограничивается циклом легенд о Персее. Нил Хертц сделал ценное замечание по поводу иконографии французских газет (во времена Французской революции): голова казненного короля, поднятая за волосы, с брызжущими из шеи каплями крови воспроизводит традиционное изображение головы Медузы. (В средние века фасады соборов украшали каменные фигуры демонических крылатых существ, которые назывались горгульи, считалось, что в случае опасности статуи оживают и защищают город от врагов). Таким образом, Медуза Горгона проникла вглубь последующих веков.

В период классицизма образ Медузы Горгоны был воскрешен. Медуза Горгона считалась бестелесным существом. Ее образ использовался для создания контраста и для сравнения.

Так, Ф. Петрарка сравнивал свою возлюбленную Лауру с Медузой: «Медуза и мой грех меня окаменили» [4, с. 95]. Проведя параллель между

Лаурой и Медузой, Петрарка подчеркивал, что Медуза несет не смерть или порок, а силу любви. Позднее, в «Триумфе целомудрия» Ф. Петрарка вводит образ Лауры-Афины, непорочной девы, настоящим образцом добродетели и целомудрия, которая обороняется щитом с изображением Горгоны. Этот сюжет стал очень популярным в любовной лирике эпохи Возрождения, к нему обращались такие крупные поэты Средневековья, как Дю Белле, Спенсер, Мильтон.

Доромантик И. Гете видел образ Медузы в свете иррационализма. И «Фауст» тому доказательство. Медуза Горгона не зря приняла облик Маргариты. И. Гете видит в ней невинную жертву: ведь Горгона была убита Персеем, а Гретхен Фаустом. Поэт представляет Медузу как символ вечного женского укора мужской бесчувственности и жестокости.

Романтики рассматривали образ Медузы совершенно по иному, нежели представители готических течений или даже классицисты. Марио Прац ввел такое понятие, как романтическая агония, одной из составляющих которого, было понятие «медузовой красоты», которая использовалась писателями для портретных характеристик образа умерших, одухотворяя их. Романтическая «Медуза» сочетает в себе прекрасные и отталкивающие черты. Однако ее лицо лишено гротескного уродства: это не гримаса смерти, а одухотворенное лицо погибшей.

Мотив «поруганной и разрушенной красоты» сопровождает романтическую образность. П. Б. Шелли, впечатленный картиной с изображением головы Медузы, писал: «...Как божество, прекрасна и страшна...». Поэт видит Медузу как «... наваждение греха, как отраженье всей прелести и мерзости земной». В стихотворении «Медуза Леонардо да Винчи во Флорентийской галерее» прослеживается не столько сочувствие поэта к погибшей Горгоне, сколько восхищение этим приоткрывшимся кусочком неизведанной тайны. Это голова казненной женщины со стеклянными очами, это ужасная и чарующая Медуза будет объектом темной любви романтиков и декадентов на всем протяжении века. Поэт дает возможность читателю увидеть Медузу сквозь призму поэзии, живописи и мифа. Идеальная красота Медузы Горгоны представляет собой телесное совершенство, однако несет в себе и недоступность этой красоты, что вызывает не меньший страх, чем ее каменный взгляд.

Ш. Бодлер сравнивал женщину с Медузой: «Когда бы ввечеру, в какой-то грустный час, невольная слеза нарушила хоть раз безжалостный покой великолепной маски» [2, с. 219]. В своей знаменитой книге «Цветы зла» поэт порывает с традиционными ценностями и в какой-то мере воспеваает зло. Он считает, что каждое понятие содержит противоречие: любовь включает в себя ненависть, жестокость и отвращение, которые могут являться составной частью нежности, работа ума и воображение являются не только источником наслаждения и чувством собственного достоинства, но и мук, и разочарования.

Следует сказать, что образ Медузы Горгоны проник и в детективный жанр. Э. По придавал большое значение функции мифа. В «Лигейе» герой-

рассказчик возвышает образ умершей возлюбленной: он вспоминает о телесном совершенстве любимой, изображает только голову Лигеи, вскользь упомянув о ее высоком росте и худобе. Застывшая маска лица, ослепляющий взгляд, вьющиеся змеинообразные волосы, заставляют вспомнить иконографические изображения Медузы. А в конце повествования Э. По использует мотив смертоносного взгляда Медузы, воспроизведя его в дискурсивном плане рассказа: взгляд Лигеи-Медузы не убивает героя, но лишает его дара речи, чем и обрывается история.

Среди современных литературных интерпретаций мифа о Медузе Горгоне, безусловно, заслуживает внимания пьеса Эмилио Карбальдо «Медуза» [1]. Карбальдо превращает древнюю легенду в экзистенциальную аллгорию. Персей получает задание убить чудовище – Медузу. Но в какой-то момент герой понимает, что он – не меньше чудовище, чем сама Медуза. Она становится у Карбальдо символом избавления от иллюзий. Медуза помогает юноше – герою пьесы уйти от стереотипного взгляда на несовместимость добра и зла.

Таким образом, понятия Добра и Зла двойственны и неоднозначны. Любой предмет состоит из противоположностей: он включает в себя добро и зло, красоту и уродство, порок и добродетель. Взгляд Медузы «окаменевающе» действует на людей, неся опасность и смерть, однако он также является символом любви жестокой и мучительной. Поэтому миф о Медузе Горгоне можно двойственно интерпретировать, по-разному оценивая поступки героев, что бесспорно свидетельствует о двойственной природе добра и зла.

Список использованной литературы

1. Карбальдо Э. Театр. Роза с двойным ароматом. Медуза. Я тоже говорю о розе / Эмилио Карбальдо. – М.: РОССПЭН, 2010. – 351 с.
2. Косиков Г. К. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» / Георгий Константинович Косиков. – М.: Правда, 1993. – 458 с.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Алексей Федорович Лосев. – М.: Правда, 1990. – 580 с.
4. Непомнящий Н. Н. Экзотическая зоология / Николай Николаевич Непомнящий. – М.: Олимп-АСТ, 1997. – 260 с.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ: [лекции] / Зигмунд Фрейд. – М., 1997. – 479 с.
6. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, Н. П. Федосеев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

Т. А. Ільїна

канд. пед. наук, доцент

ХУДОЖНЯ СВОЄРІДНІСТЬ ЛІРИЧНОЇ ТВОРЧОСТІ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

У статті розглядається вплив на формування світогляду поета трагічного життєвого і творчого шляху, своєрідність та неповторність поетики, лейтмотивні теми целанівської лірики, новаторство Пауля Целана у царині поетичної мови.

Ключові слова: лірика, поетика, поетичне новаторство, поетичне мовлення, Пауль Целан.